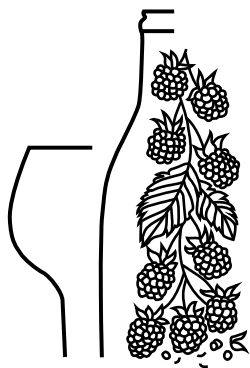

Джоанн Харрис

—

Ежевичное вино

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Joanne Harris

BLACKBERRY WINE

Copyright © Frogspawn Ltd., 2000

Перевод с английского *Александры Килановой*

В оформлении переплета и титула использована

иллюстрация *М. Дорошенко*

Харрис, Джоанн.

Х21 Ежевичное вино / Джоанн Харрис ; [перевод с английского А. Килановой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-111420-6

Вино может творить чудеса. Джей Макинтош, писатель, который не пишет, находит шесть бутылок домашнего вина, чудом сохранившихся со времен его детства, о котором он вспоминает с острой ностальгией, наслаждением и горечью. Чудаковатый старик садовод, когда-то сильно повлиявший на судьбу Джея, а потом исчезнувший без следа, создал вино, которое может перевернуть целую жизнь...

Магический роман Джоанн Харрис «Ежевичное вино» — о чувствах и чувственности, о винах и вине, о правде, дружбе и волшебстве, о любительской алхимии.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111420-6

© Киланова А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Моему деду Эдвину Шорту,
садоводу, виноделу
и поэту в глубине души

1

Вино говорит. Это общеизвестно. Оглянитесь. Спросите уличного оракула, незваного гостя на свадебном пиру, юродивого. Оно говорит. Оно чрево вещает. У него миллион голосов. Оно развязывает язык, выбалтывая тайны, которые вы не собирались выдавать, тайны, которых вы знать не знали. Оно кричит, разглагольствует, шепчет. Оно говорит о великих вещах, о гениальных планах, трагических страстях и ужасных предательствах. Оно хохочет до упаду. Оно тихонько хихикает себе под нос. Оно рыдает при виде собственного отражения. Оно вытаскивает на свет летние дни, давно минувшие, и воспоминания, крепко забытые. От каждой бутылки веет иными временами, иными местами; каждая, от простецкого «Молока Мадонны»¹ до надменной «Вдовы Клико» 1945 года, — скромное чудо. Джо называл это будничным волшебством. Превращение низменной материи в грезы. Любительская алхимия.

Возьмите, к примеру, меня. «Флёрри»² 1962 года. Последний из двенадцати могикан, розлитых и уложен-

¹ Немецкое белое полусладкое вино из регионов Рейнхессен и Наэ, производится множеством винодельческих компаний. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Легкое и нежное «дамское» вино из региона Божоле. (Здесь и далее, если указан регион, но не указана страна, речь идет о Франции.)

ных в деревянный ящик в год рождения Джея. «Бойкое, говорливое вино, веселое и немного нахальное, с пикантным привкусом черной смородины», если верить этикетке. Не из тех вообще-то, какие хранят, но он сохранил. Из ностальгии. Для особого случая. Дня рождения или, может, свадьбы. Но дни рождения он не отмечал;пил красное аргентинское и смотрел старые вестерны. Пять лет назад он выставил меня на стол меж серебряных подсвечников, но ничего не вышло. Тем не менее с девушкой они поладили. Она привела с собой целую армию бутылок — «Дом Периньон», «Столичную» водку, «Парфе Амор»¹ и «Мутон Каде»², бельгийское пиво в бутылках с длинными горлышками, вермут «Нуайи Пра» и «Фрез де Буа»³. Они тоже говорят, в основном чепуху, металлически щебечут, этакий светский треп на вечеринке. Мы отказались иметь с ними дело. Нас задвинули в дальний угол винного погреба, — нас, трех могикан, за сверкающие шеренги пришельцев, где мы и пребывали пять лет, позабытые. «Шато Шалон»⁴ 1958-го, «Сансёр»⁵ 1971-го и я. «Шато Шалон», раздосадованный своей ссылкой, притворяется глухим и часто вовсе отказывается говорить. «Зрелое вино исключительного достоинства и стати», — цитирует он во время редких приступов экспансивности. Он любит напоминать нам о своем старшинстве, о долголетию желтых вин Юра. Он крайне высоко ценит свое долголетие, наравне с медовым букетом и уникальным происхождением. «Сансёр»,

¹ Фруктово-цветочный ликер сиреневого цвета.

² Массовое вино из региона Бордо.

³ Земляничный ликер.

⁴ Драгоценное желтое вино из региона Юра.

⁵ Изысканное красное или белое вино из региона Сансёр (долина Луары).

давным-давно превратившаяся в уксус, говорит и того меньше и лишь время от времени тихонько вздыхает о своей утраченной юности.

А потом, за шесть недель до того, как началась эта история, явились другие. Незнакомцы. «Особые». Чужаки, которые заварили всю эту кашу, хотя они тоже, казалось, затерялись за блестящими новыми бутылками. Их было шестеро, у каждого — своя маленькая, от руки написанная этикетка, пробки запаяны свечным воском. У каждой бутылки вокруг горлышка — шнурок своего цвета: красный, как малина, зеленый, как бузина, синий, как ежевика, желтый, как шиповник, черный, как тернослив. Последняя бутылка, обвязанная коричневым шнурком, содержала вино, о каком даже я не слышал. «Особые, 1975» — гласила этикетка, буквы выцвели до оттенка старого чая. Но внутри тайны жужжали пчелиным ульем. От них не было никакого спасения, от их шепотков, свиста, смеха. Мы делали вид, что нам плевать на их кривляние. Дилетанты. Ни один из них и не пах виноградом. Они ниже нас, и мы скупилась выделить им место в своем кругу. И все же было нечто трогательное в бесстыдстве этих пиратов, лихорадочная кутерьма ароматов и образов, под натиском которой более серьезные марочные вина дрогнули. Конечно, заговорить с ними было ниже нашего достоинства. Но как же мне хотелось! Возможно, нас соединил мой плебейский привкус черной смородины.

Из подвала было слышно все, что происходит в доме. Мы помечали события появлением и исчезновением наших более успешных коллег: двенадцать бутылок пива вечером пятницы и смех в передней; накануне бутылка калифорнийского красного, такого молодого, что почти

слышен был запах танина¹; на прошлой неделе — в день его рождения, как выяснилось, — девичьи полбутылки «Мозт», самый одинокий, самый разоблачительный из объемов, и далекие, ностальгические выстрелы и топот копыт наверху. Джею Макинтошу стукнуло тридцать семь. Обычное дело, но его глаза, глаза цвета индиго, цвета пино нуар², были глазами неловкого, слегка озадаченного человека, который заблудился. Пять лет назад Керри находила это привлекательным. Теперь она потеряла вкус к потерянности. Что-то невероятно раздражало в его пассивности и в упрямстве, крившемся за ней. Ровно четырнадцать лет назад Джей написал роман «Три лета с Пьялочным Джо». Разумеется, вы о нем слышали. Роман получил Гонкуровскую премию и был переведен на двадцать языков. Сообщение о премии отметили тремя ящичками «Вдовы Клико» 1976 года, выпитой слишком рано, чтобы оценить ее по достоинству, но Джей всегда был такой: набрасывался на жизнь так, словно она никогда не иссякнет, словно то, что закупорено внутри его, будет жить вечно, успех будет следовать за успехом в вихре праздника без конца.

В те дни никакого винного погребца не было. Мы стояли на каминной полке над его пишущей машинкой — на удачу, говорил он. Закончив книгу, он открыл последнего моего собрата 1962 года и очень медленно его выпил, после чего довольно долго крутил бокал в руках. Потом подошел к каминной полке. Секунду он стоял рядом. Затем усмехнулся и, пошатываясь, вернулся в кресло.

— В другой раз, дорогой, — пообещал он. — Подождем другого раза.

¹ Фенольные соединения, придают красным винам терпкость и горечь.

² Сорт черного винограда.

Видите ли, он говорит со мной, как однажды я заговорю с ним. Я его самый старый приятель. Мы понимаем друг друга. Наши судьбы переплетены.

Конечно, другой раз так и не наступил. Телевизионные интервью, газетные статьи и рецензии постепенно сошли на нет. В Голливуде сняли фильм с Кори Фелдманом, перенеся действие на Средний Запад. Прошло девять лет. Джей написал часть романа, озаглавленного «Отважный Кортес», и продал восемь рассказов «Плейбою» — впоследствии они вышли сборником в «Пингвин букс». Литературный мир ждал нового романа Джея Макинтоша — сперва страстно, потом в нетерпеливом любопытстве и наконец, что неизбежно, с равнодушием.

Конечно, он продолжал писать. Семь романов на сегодняшний день, с названиями вроде «Ген И-sus», или «Пси-пташки с Марса», или «Свидание со С. Мэртью», все опубликованные под псевдонимом Джонатан Уайнсеп¹, добротные коммерческие вещи, позволившие ему продержаться на плаву эти четырнадцать лет. Он купил компьютер, ноутбук «Тошиба», и держал его на коленях, подобно полуфабрикатным обедам, которые сам готовил по вечерам — ныне все чаще, — когда Керри работала допоздна. Он писал рецензии, статьи, рассказы и газетные колонки. Он читал лекции начинающим сочинителям, вел творческие семинары в университете. У него так много дел, шутил он, что едва хватает времени писать самому, — неубедительно смеялся над собой, писателем, который никогда не пишет. Керри смотрела на него, поджав губы, когда он об этом разглагольствовал. Познакомьтесь с Керри О'Нил, урожденной Кэтрин Марсен: двадцать восемь лет, короткие светлые воло-

¹ «Джонатан» и «Уайнсеп» — сорта яблок.

сы и изумительные зеленые глаза, продукт цветных контактных линз, о чем Джей и не подозревал. Журналистка, преуспевшая на телевидении посредством «Форума!» — ночного ток-шоу, где популярные авторы и звезды второй величины обсуждали социальные проблемы современности под авангардный джаз. Пять лет назад Керри, возможно, улыбнулась бы его словам. Однако пять лет назад «Форума!» не было, Керри вела колонку о путешествиях в «Индепендент» и работала над книгой «Шоколад: наблюдения феминистки». Мир был полон возможностей. Книга вышла через два года, на волне интереса СМИ. Керри была фотогеничной, раскупаемой и мейнстримной. В результате у нее взяли множество легковесных интервью. Она снялась для «Мари Клер», «Тэтлера» и «Я!», но быстро уверила себя, что это не вскружило ей голову. У нее был дом в Челси, pied-à-terre¹ в Нью-Йорке, и она подумывала отсосать жир с бедер. Она выросла. Изменилась.

Но для Джея ничего не изменилось. Пять лет назад, выпивая по полбутылки «Смирновской» в день, он казался олицетворением артистического темперамента, обреченным, трагическим героем романа. Он пробуждал в Керри материнский инстинкт. Она собиралась спасти его, вдохновить, а взамен он напишет чудесную книгу, книгу, которая озарит жизни людей, и все это благодаря ей одной.

Но ничего не вышло. Дрянная фантастика — вот что оплачивало счета; дешевые книжки в аляповатых бумажных обложках. Он ни разу не достиг зрелости, озорной мудрости своей первой работы, даже не попытался достигнуть. И, несмотря на угрюмые паузы, говорить о

¹ Временное жилье (*фр.*).

взрывном нраве Джея не приходилось. Он никогда не поддавался порыву. Никогда не выказывал злость, никогда не терял контроль. В общении он умом не блистал, не был интригующе груб. Даже его пьянство — единственное, в чем он оставался неумерен, — теперь казалось нелепым, подобно человеку, что упорно носит вышедшие из моды фасоны своей юности. Он проводил время за компьютерными играми, слушал старые синглы и смотрел старые фильмы по видео, неизменный в своей незрелости, подобно мелодии, замурованной в дорожке грампластины. Возможно, она ошибалась, думала Керри. Он не хотел взрослеть. Он не хотел, чтобы его спасали.

Пустые бутылки рассказывали другую историю. Я пью, говорил себе Джей, потому же, почему пишу второсортную фантастику. Не для того, чтоб забыть, а для того, чтобы *вспомнить*, чтобы откупорить прошлое и вновь найти в нем себя, подобно косточке в горьком плоде. Каждую бутылку он открывал, каждый рассказ начинал в тайном убеждении, что вот здесь таится волшебный эликсир, который его возродит. Но магия, как и вино, хороша лишь в определенных условиях. Джо было что рассказать об этом. Иначе не произойдет чуда. Букет испорчен.

Полагаю, я ожидал, что все начнется с меня. Это было бы поэтично. В конце концов, мы связаны, он и я. Но эта история начинается с другого вина. Я не слишком расстроен. Лучше быть его последним, чем его первым. Я даже не главный герой всей истории, но я был тут до того, как пришли «Особые», и буду после того, как их выпьют. Я могу позволить себе ожидание. Кроме того, выдержанное «Флэри» должно распробовать, меня не пьют в спешке, а я не уверен, что небо Джея к этому готово.

Лондон, весна 1999 года

Стоял март. Даже в погребке было тепло. Джей работал наверху — как обычно, с бутылкой под боком и негромко бормочущим телевизором. Керри ушла на вечеринку в честь учреждения новой премии для писательниц не старше двадцати пяти, и в доме воцарилась тишина. Джей использовал пишущую машинку для того, что полагал «настоящей» работой, и ноутбук для фантастики; по звуку или его отсутствию всегда было ясно, что именно он пишет. Он спустился после десяти. Включил радио, выбрал ретростанцию, и слышно было, как он бродит по кухне, тревожно вышагивает по терракотовым плиткам. Рядом с холодильником стоял винный шкаф. Джей открыл его, помедлил, снова закрыл. Скрипнула дверь холодильника. Там царили вкусы Керри, как и везде. Сок из проростков пшеницы, салат с кускусом, молодые листья шпината, йогурты. На самом деле, думал Джей, ему бы хотелось гигантский сэндвич с яичницей с беконом, кетчупом и луком и кружку крепкого чая. Он знал, что это желание как-то связано с Джо и переулком Пог-Хилл. Ассоциация, вот и все, которая часто возникала, когда он пытался писать. Но с этим давно покончено. Иллюзия. Он знал, что на самом деле не голоден. Вместо еды он закурил — запретная роскошь, приберегаемая для дней, когда Керри нет дома, — и жадно затянулся. Из поцарапанного радиодинамика донесся голос Стива Харли, поющего «Заставь меня улыбнуться» — еще одна песня из далекого, неизбежного лета 1975-го, — и Джей подпел певцу: «Иди сюда, смотри на меня, заставь меня улыбнуться-у-уться», — одиноко, в гулкой кухне.

За нашими спинами в темном погребе копошились чужаки. Может, дело в музыке, а может, сам воздух этого теплого весеннего вечера был словно заряжен возможностями, но, так или иначе, они развили кипучую деятельность, бурлили в своих бутылках, трещали без умолку, ловили собственный хвост, горя от нетерпения заговорить, открыться, выпустить в воздух свою суть. Наверное, потому он и спустился, тяжело ступая по грубым неструганым ступенькам. Джей любил погреб, прохладный, таинственный. Он постоянно сюда заходил — лишь потрогать бутылки, пробежать пальцами по стенам, пушистым от пыли. Я любил, когда он спускался в погреб. Подобно барометру, я ощущаю его эмоциональную температуру, когда он рядом. В какой-то мере я даже могу читать его мысли. Говорю же, между нами особая связь.

В погребе было темно, его освещала лишь тусклая лампочка, свисавшая с потолка. Шеренги бутылок — в основном ничтожных, выбранных Керри, — на полках вдоль стен, в деревянных ящиках на каменных плитах. Джей шел и легонько касался бутылок, поднося лицо близко-близко, словно пытаясь вдохнуть аромат запертых в них летних дней. Раза два или три он доставал бутылку и крутил в руках, прежде чем вернуть на полку. Он двигался бесцельно, никуда в особенности, наслаждаясь сыростью погреба и тишиной. Даже рев лондонских машин смолк, и на секунду Джей едва не поддался искушению просто лечь на гладкий, прохладный пол и уснуть — быть может, навечно. Никто не станет его здесь искать. Но вместо этого он окончательно проснулся, настороженный, словно тишина прочистила ему мозги. Воздух вибрировал, хоть и был недвижим, будто что-то вот-вот произойдет.

Новые бутылки стояли в ящике в глубине погреба. Сверху валялась сломанная лестница. Джей сбросил ее и, пытаясь, потащил ящик по каменным плитам. Он выудил первую попавшуюся бутылку и поднес к свету, чтобы расшифровать этикетку. Ее содержимое было темно-красным, почти черным, на дне лежал толстый слой осадка. На мгновение Джей показалось, будто он увидел внутри что-то еще, некую тень, но оказалось, обычная взвесь. Наверху, в кухне, ретростанция по-прежнему играла музыку 1975-го — теперь рождественскую, «Богемскую рапсодию»¹, тихую, но вполне различимую через пол, — и он задрожал.

Вернувшись в кухню, он с некоторым любопытством изучил бутылку — он едва ли хоть раз взглянул на нее с тех пор, как привез полтора месяца назад: восковая печать на горлышке, коричневый шнурок, написанная от руки этикетка — «Особые, 1975», стекло вымазано грязью погреба Джо. Джей гадал, зачем забрал ее из развалин. Из ностальгии, вероятно, хотя его чувства к Джо до сих пор слишком двойственны, чтобы позволить себе подобную роскошь. Злость, тоска, замешательство окатывали его контрастным душем. «Старик, ну почему ты не здесь?»

За стеклом что-то скакало и резвилось. Бутылки в погребе дребезжали и плясали в ответ.

Иногда это происходит случайно. После долгих лет ожидания — правильного порядка планет, судьбоносной встречи, внезапного порыва вдохновения — нужные обстоятельства возникают сами собой, украдкой, без фанфар, без предупреждения. Джей полагает это судьбой. Джо называл это волшебством. Но иногда это

¹ Композиция британской рок-группы «Queen».

лишь томление, нечто в воздухе, одно движение — и то, что годами лежало мертвым грузом, меняется внезапно и необратимо.

Любительская алхимия, называл это Джо. Будничное волшебство. Джей Макинтош потянулся за ножом — срезать печать.

3

Она продержалась годы. Нож срезал ее и обнажил не-вредимую пробку. Немедленно в ноздри шибануло так сильно, что Джею оставалось только терпеть, стиснув зубы, пока запах пытался поработить его. Пахло земли, кисловато, как от канала в середине лета, с остротой, напомнившей ему овощерезку и жизнерадостный вкус молодого картофеля. Мгновение иллюзия была так сильна, что он практически оказался *там*, в том утраченном месте, где Джо опирался на черенок лопаты, а радио, пристроенное в развилке дерева, играло «Запускайте клоунов»¹ или «Я не влюблен»². Неожиданно Джея охватило неумное волнение, и он плеснул вина в бокал, стараясь не пролить в чрезмерном пылу. Оно оказалось темно-розовым, как сок папайи, и словно карабкалось по стенкам бокала в лихорадочном предвкушении, как будто что-то внутри его жило и отчаянно хотело опробовать свое волшебство на плоти Джея. Он посмотрел на бокал со смесью недоверия и желания. Часть его хотела выпить вино — годами ждала этого момента, — но в то же время он медлил. Жидкость в бокале была мутной и пестрела

¹ Песня американского композитора и либреттиста Стивена Сондхайма.

² Песня из альбома «The Original Soundtrack» британской поп-рок-группы «10СС».